

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

«МОЯ ЛЮБОВЬ – КАК СВЕТ В СУДЬБЕ...»

СТИХИ О ЛЮБВИ

Составитель сборника: Нина
Инякина

КЕМЕРОВО-2012

*Мария Ивановна и
Михаил Александрович
Небожатовы*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составить этот сборник было и легко, и трудно. Легко – потому что Михаил Небогатов был признанным лириком. Многим читателям он именно этим понравился и запомнился. Трудно – потому что лирических стихотворений – множество, и выбрать лучшие из лучших – задача непростая. У поэта не было, наверно, ни одного сборника, в котором бы не печатались стихи о любви, а один, вышедший в 1961 году, так и назывался – «Лирика».

Любовная лирика бывает, если можно так выразиться, безадресной. Это когда стихи написаны не кому-то конкретно, а посвящены вообще женщине, любимой и любящей. Чего не скажешь о Небогатове. У него, как раз, была Женщина – его жена, подруга, муза, единственный источник его вдохновения – по имени Мария Ивановна. С ней он прожил почти 45 лет, воспитал троих детей. Ей и посвящены самые щемящие, берущие за душу строки.

Но... тем и хороши стихи о любви, что, написанные для одной, единственной, любой другой женщиной воспринимаются, как обращённые только и именно к ней.

Любовь – даже неразделённая – это чувство, без которого сама жизнь была бы бессмысленной. Это понятие настолько широко и всеобъемлюще, что говорить о нём можно бесконечно. А так, как говорил о любви Небогатов, не говорил, пожалуй, никто.

Пересказывать полюбившиеся стихи ни к чему. Лучше открыть книгу и... начать читать.

В этом сборнике, как и в сборнике стихов о войне, покажу стихотворения в разных вариантах, чтобы было видно, как работал поэт над словом.

Нина Инякина – составитель сборника.

Как сказать об этом покороче?
 Заглянул в глаза – и как в хмелю.
 Синей ночью в звёздном многоточье
 Лишь одно мне чудится: люблю.

Сговорилось словно всё на свете –
 И машины, шинами шурша,
 И берёз безлиственные ветви
 В шуме ветра шепчут: хороша.

Что случилось – сам не понимаю.
 Стал весь мир по-новому пригож...
 Счастлив я, что ты, моя родная,
 На одной земле со мной живёшь.
 1953

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 115. Такая же редакция в сборнике «Моим землякам», 1958 г., с. 88)

*** *** ***

Как сказать об этом покороче?
 Заглянул в глаза – как во хмелю.
 Синей ночью в звёздном многоточье
 Лишь одно мне чудится: «Люблю».

Что случилось – сам не понимаю.
 Стал весь мир по-новому пригож...
 Счастлив я, что ты, моя родная,
 На одной со мной земле живёшь.
 1957

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 116. В этой же редакции – в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 141. Только в третьей строчке первого четверостишия допущена ошибка: вместо «Синей ночью...» напечатано «Синею ночью...»)

НЕЖНОСТЬ

Бывает состояние души
 Какое-то почти необъяснимое,
 Когда тебе все люди хороши
 И все милы,
 Особенно – любимая.

И в этот миг душевной высоты –
 К любимой нежность
 Чувствуешь до боли ты...
 Та нежность –
 Словно свежие цветы,
 Что чистою водою
 Щедро политы.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 30)

*** *** ***

Бывает состояние души
 Какое-то почти необъяснимое,
 Когда тебе все люди хороши
 И все милы,
 Особенно – любимая.

И в этот миг душевной высоты –
 К подруге нежность
 Чувствуешь до боли ты...
 Та нежность –
 Словно свежие цветы,
 Что чистою водою
 Щедро политы.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 89)

Хорошей, славной называю,
 А разобраться – что к чему,
 За что люблю тебя? Не знаю.
 Чем дорога ты? Не пойму.
 Но как нужна ты мне, отрада!
 Нужна, как парус кораблю.
 И в чём тут суть – гадать не надо.
 Люблю – и всё. Как мир, люблю.
 Будь в облаках он, будь он в звёздах,
 Он – вечной радости родник.
 Не объяснить, чем дорог воздух,
 Которым дышишь каждый миг.
 1951

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 88. Эта же редакция в сборниках «Моим землякам», 1958 г., с. 87 и «Свет в окне», 1969 г., с. 147)

*** *** ***

*Моей жене и подруге
 Марии Ивановне*

Хорошей, славной называю.
 А разобраться, почему,
 За что люблю тебя, не знаю.
 Чем дорога ты? Не пойму.
 Но будь в тумане мир, будь в звёздах,
 Ты – вечной радости родник...
 Не объяснить, чем дорог воздух,
 Которым дышишь каждый миг.
 (1957–76)

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 110. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 138)

*** *** ***

Хорошей, славной называю.
 А разобраться, почему,
 За что люблю тебя – не знаю.
 Чем дорога ты? Не пойму.
 Но будь в тумане мир, будь в звёздах,
 Ты – вечной радости родник.
 Не объяснить, чем дорог воздух,
 Которым дышишь каждый миг.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 94)

Смолоду друг друга не жалели,
 Принимая злой и гордый вид,
 Мучались, бывало, по неделе
 От случайных маленьких обид.
 Нынче нас не разольёшь водою,
 Вот когда помолодеть бы вновь...
 Очень жаль, что не одной тропею
 В жизнь вступают мудрость и любовь.

(Из сборника «Лирика», 1961 г., с. 33. Эта же редакция в сборнике «Свет в окне», 1969 г., с. 144, только добавилась дата создания стихотворения – 1959-й год. Начиная со сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 88, изменилось написание слова «мучались»: стало, по изменившимся нормам языка, «мучились». Эта же редакция сохранилась и в следующих сборниках: «Земной поклон», 1976 г., с. 123; «Перепёлка», 1988 г., с. 93 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 144)

М. Н.

Как быстро мчатся дни за днями!
 Как неизменна их череда!..
 Километровыми столбами
 Мне представляются года.
 Сперва мы их не замечаем,
 Не до того вначале нам.
 Потом как праздник свой встречаем
 И... привыкаем к тем столбам.
 Хоть расстояние между ними
 На всём, на всём пути одно, –
 Чем дальше, тем неуловимей,
 Короче кажется оно...
 С какою радостью когда-то
 Я шёл к двадцатому столбу,
 Летел к нему мечтой крылатой
 С надеждой в светлую судьбу!
 Я песней звонкой спорил с ветром.
 Так жить спешил!

И вот уже
 Я за тридцатым километром,
 На новом дальнем рубеже...
 Ну что ж. Пока что нет причины
 Впадать в непрошенную грусть.
 Пускай прибавились морщины,
 Глаза чуть-чуть поблёкли. Пусть!
 Но зренье зорче. Ум трезвее.
 И вдохновения огонь
 Горит в груди ещё живее.
 Как прежде, сердце только тронь –
 Тотчас в нём точно чуткий порох
 Мгновенным вспыхнет вдруг огнём,
 И звёздный свет, и листьев шорох –
 Всё отзовется песней в нём!
 Большое счастье – день свой каждый
 Встречать трудом – едва рассвет, –
 Чтоб, по земле пройдя однажды,
 На ней оставить добрый след.

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 87)

*** **

Как быстро мчатся дни за днями,
 Скрываясь в прошлом навсегда!..
 Километровыми столбами
 Мне представляются года.
 Сперва мы их не замечаем,
 Не до того вначале нам.
 Потом, как праздник свой, встречаем
 И... привыкаем к тем столбам.
 Хоть расстоянье между ними
 На всём, на всём пути одно, –
 Чем дальше, тем неуловимей,
 Короче кажется оно...
 С какую радостью когда-то
 Я шёл к двадцатому столбу,
 Не шёл – летел мечтой крылатой
 С надеждой в светлую судьбу!
 Я песней звонкой спорил с ветром.
 Так жить спешил!

И вот уже

Счёт потерял я километрам
 На новом дальнем рубеже...
 Ну что ж. Пока что нет причины
 Впадать в непрошенную грусть.
 Пускай прибавились морщины,
 Глаза чуть-чуть поблёкли. Пусть!
 Но зренье зорче. Ум трезвее.
 И вдохновения огонь
 Горит в груди ещё живее.
 Как прежде, сердце только тронь –
 Тотчас в нём, точно чуткий порох,
 Мгновенно вспыхнет вдруг огнём,
 И звёздный свет, и листьев шорох –
 Всё отзовется песней в нём!
 Большое счастье – день свой каждый
 Встречать трудом – едва рассвет, –
 Чтоб, по земле пройдя однажды,
 На ней оставить добрый след.

(Из сборника «Моим друзьям», 1958 г., с. 77)

*** *** ***

Как быстро мчатся дни за днями,
 Скрываясь в прошлом навсегда!..
 Километровыми столбами
 Мне представляются года.
 Сперва мы их не замечаем,
 Не до того вначале нам.
 Потом, как праздник свой, встречаем
 И... привыкаем к тем столбам.
 Хоть расстоянье между ними
 На всём, на всём пути одно, –
 Чем дальше, тем неуловимей,
 Короче кажется оно...
 С какую радостью когда-то
 Я шёл к двадцатому столбу,
 Не шёл – летел мечтой крылатой,
 Предвидя светлую судьбу!
 Я песней звонкой спорил с ветром.
 Так жить спешил!

И вот уже

Счёт потерял я километрам
 На новом дальнем рубеже...
 Ну что ж. Пока что нет причины
 Впадать в непрошеную грусть.
 Пускай прибавились морщины,
 Глаза чуть-чуть поблёкли. Пусть!
 Но зренье зорче. Ум трезвее.
 И вдохновения огонь
 Горит в груди ещё живее.
 Как прежде, сердце только тронь –
 Тотчас в нём, точно чуткий порох,
 Мгновенно вспыхнет вдруг огнём,
 И звёздный свет, и листьев шорох –
 Всё отзовется песней в нём!
 Большое счастье – день свой каждый
 Встречать трудом – едва рассвет, –
 Чтоб, по земле пройдя однажды,
 На ней оставить добрый след.

*(Из сборника «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 67.
 Немного изменилась редакция, в том числе, слово
 «непрошенную» «потеряло» одну букву «н» в
 соответствии с нормами языка)*

Опять в саду цветёт сирень...
 Друзья! Моё вам пожеланье:
 С любимой каждый новый день
 Встречать, как первый день свиданья.
 Не звать до старости разлук,
 Оберегать сердца от скуки
 И так ценить своих подруг,
 Как будто завтра – день разлуки.

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 89. См. также сборник «Моим землякам», 1958 г., с. 90. Начиная со сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 148, во всех последующих сборниках после слов «как первый день свиданья» место точки заняла точка с запятой (;). Вот эти сборники: «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 94; «Земной поклон», 1976 г., с. 145; «Перепёлка», 1988 г., с. 96; «Вечерние огни», 1989 г., с. 82 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 130)

Если выпадет счастье такое –
 С человеком хорошим дружить,
 Позабудь о беспечном покое,
 Будет трудно и радостно жить:
 Под дождём ли, под снежной порошей
 Добиваться всей жизнью того,
 Чтоб ценил тебя друг твой хороший
 Точно так, как ты ценишь его.

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 98. В этой же редакции см. стихотворение в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 57)

СЧАСТЛИВАЯ

Её нельзя назвать красивой,
 Но так и светится она
 И чувствует себя счастливой –
 Всё оттого, что влюблена.
 Иная слёзы льёт в подушку,
 А ей легко: есть в мире тот,
 Кто лишь её, для всех дурнушку,
 Своею милою зовёт.

*(Из сборника «Земля моя добрая»,
 1984 г., с. 62. См. ещё сборники
 «Перепёлка», 1988 г., с. 95 и
 «Времени река», 1991 г., с. 80)*

БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ

Тебя за то благодарю,
 Что полон мир большим значеньем,
 Что я навстречу январю
 Иду с весенним ощущеньем.
 За то, что доброе творю,
 Что не знаком я с чёрной злобой,
 Что не кичусь своей особой,
 Благодарю, благодарю.
 1976

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с.
 137. Эта же редакция в сборнике
 «Перепёлка», 1988 г., с. 92, только слово
 «не знаком» напечатано слитно и название
 заменено «звёздочками». В такой же –
 последней – редакции стихотворение
 помещено и в сборник «Благодарю,
 благодарю...», 1995 г., с. 154)*

В РАЗЛУКЕ

Весь город спал, в молчанье погружён.
 И я устал, но прочь умчался сон,
 Лишь я подумал: милая моя –
 В другом краю... Один сегодня я.
 Опять один с тоской наедине.
 И не найти забвения во сне...

Я закурил и вышел на крыльцо,
 Дохнула полночь свежестью в лицо.
 Над крышами домов, над тишиной
 Сиял, мерцая, чистый звёздный рой.
 Как там светло, в далёкой вышине!
 Как ясно улыбались звёзды мне!

И вдруг одна из дружной их семьи
 Там, далеко от сумрачной земли,
 Оторвалась, упала в темноту,
 И, яркая, пропала на лету.

А звёздный рой по-прежнему гудел,
 Мерцал огнями! С грустью я глядел
 На небеса, туда, где без следа
 Сгорела неизвестная звезда...

«Вот так и всё не вечно, – думал я, –
 И радость, и печаль, и жизнь моя...»
 1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 143. См. эту же редакцию в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 158)

ВСТРЕЧА

Где машин монотонные звуки
 И в витринах от солнца огни,
 Через многие годы разлуки
 Повстречались случайно они.
 – Здравствуй! – Здравствуй!
 И радость плеснулась,
 Засветилась в глазах огоньком.
 Что-то давнее в сердце проснулось,
 Позабыли, что люди кругом.
 Нет, никто бы не смог помешать им,
 Только каждый припомнил семью –
 И лишь долгим и тёплым пожатием
 Тихо выразил нежность свою.
 – Как живёшь? – Да уж видишь, седая...
 Помаленьку живу, ничего.
 «Для меня ты всегда молодая!» –
 Прочитала во взгляде его.
 И тотчас же ответила взглядом:
 «Помню, помню далёкие дни!..»
 Словно парень и девушка, рядом
 Как-то робко стояли они.
 Их толкали. И птицы галдели.
 И визжали вблизи тормоза.
 А они всё стояли, глядели,
 Всё глядели друг другу в глаза.
 И была эта радость печальной,
 Потому что, душою сродни,
 Благодарные встрече случайной,
 Вновь надолго прощались они...
 1965

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 150)

*** *** ***

ВСТРЕЧА

Где машин монотонные звуки
 И в витринах от солнца огни,
 Через многие годы разлуки
 Повстречались случайно они.

– Здравствуй! – Здравствуй!
 И радость плеснулась,
 Засветилась в глазах огоньком.
 Что-то давнее в сердце проснулось,
 Позабыли, что люди кругом.
 Нет, никто бы не смог помешать им,
 Только каждый вдруг вспомнил семью –
 И лишь долгим и тёплым пожатьем
 Тихо выразил нежность свою.
 – Как живёшь? – Да уж видишь, седая...
 Помаленьку живу, ничего.
 «Для меня ты всегда молодая!» –
 Прочитала во взгляде его.
 И тотчас же ответила взглядом:
 «Помню, помню далёкие дни!..»
 Словно парень и девушка, рядом
 Как-то робко стояли они.
 Их толкали. И птицы галдели.
 И визжали вблизи тормоза.
 А они всё стояли, глядели,
 Всё глядели друг другу в глаза.
 И была эта радость печальной,
 Потому что, душою сродни,
 Благодарные встрече случайной,
 Вновь надолго прощались они...

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 81. Эта же редакция в сборниках «Перепёлка», 1988 г., с. 101 и «Времени река», 1991 г., с. 81)

*** *** ***

ВСТРЕЧА

Где машин монотонные звуки
 И в витринах от солнца огни,
 Через многие годы разлуки
 Повстречались случайно они.
 – Здравствуй! – Здравствуй!
 И радость плеснулась,
 Засветилась в глазах огоньком.
 Что-то давнее в сердце проснулось,
 Позабыли, что люди кругом.

– Как живёшь? – Да уж видишь, седая...
 Помаленьку живу, ничего.
 «Для меня ты всегда молодая!» –
 Прочитала во взгляде его.
 И тотчас же ответила взглядом:
 «Помню, помню далёкие дни!..»
 Словно парень и девушка, рядом
 Долго, молча стояли они.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 109. Изменения очевидны – стихотворение сокращено, изменена строчка после слов «Словно парень и девушка, рядом...»)

ЛЮБЛЮ

Капризов
 И кокетства,
 И жеманства
 Я не терплю.
 Я простоту
 Люблю.
 За постоянство –
 Тебя люблю.
 Порой красы
 Холодное
 Блистанье
 Равно нулю.
 Люблю сердечность,
 Нежность,
 Обаянье –
 Тебя люблю.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 28. См. также сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 135)

Гляжу в лицо твоё простое,
 Что свято вечной красотой:
 В нём – жизни счастье молодое,
 В нём – образ Родины самой.

Видна в чертах лица простого
 России добрая душа:
 То лучезарна, то сурова,
 Но неизменно хороша!
 1949–53

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 130. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 138)

ЛЮБОВЬ

Когда, лучом последним озарённое,
 Порозовеет облака крыло,
 Рука в руке, любовью опьянённые,
 Они вдвоём уходят за село.

Уже земля оделась в пурпур, в золото,
 Цветисто-ярок осени наряд.
 А их сердца и радостно, и молодо
 Согласно бьются с Родиной в лад.

Пусть журавлиный крик прощальный слышится
 И пахнет прелью, сыростью лесной,
 А им легко и любится, и дышится,
 Им даже осень кажется весной!

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 62)

Много в мире прекрасного,
 Что сравнится с тобой...
 Вроде солнышка ясного
 Ты мне светишь порой.

Согреваешь улыбкою,
 Невзначай, может быть...
 Но не будет ошибкою
 Со звездою сравнить.

С той, что слушает клёкоты
 Перелётных гостей –
 Так порою далёко ты
 От дороги моей...

Всей душой своей чуткою
 В дни разлуки скорбя,
 С полевой незабудкою
 Рад сравнить бы тебя.

Посмотрю я – и легче мне,
 Твёрже, радостней шаг...
 Только сравнивать не к чему,
 Ты прекрасна и так.

Пусть всегда меня радуют
 Солнце, звёзды, цветы –
 Всё же лучшей отрадою
 Можешь быть только ты.

Без тебя я безроднее,
 Чем цветок на лугу...
 А с тобою сегодня я
 Горы сдвинуть могу!

Не пустую небесную
 Полюбил я красу,
 А земную, телесную –
 Всю, как есть тебя. Всю!

С каждой складкой на платье
 Полюбил навсегда.
 Складки завтра же сгладятся,
 Образ твой – никогда!

С чем тебя я ни сравнивай,
 И о чём я ни пой,

Всё, что в мире есть славного,
 Всё сравнится с тобой.
 1953

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с.
 116)

*** *** ***

*Моей жене и подруге
 Марии Ивановне*

Много в мире прекрасного,
 С чем сравнить бы тебя.
 Вроде солнышка ясного
 Ты мне светишь любя.

Согреваешь улыбкою,
 Невзначай, может быть...
 И не будет ошибкою
 Со звездой сравнить.

С той, что слушает клёкоты
 Перелётных гостей –
 Так порою далёко ты
 От дороги моей...

Пусть всегда меня радуют
 Солнце, звёзды, цветы, –
 Всё же лучшей отрадою
 Можешь быть только ты.

Без тебя я безроднее,
 Чем стожок на лугу...
 А с тобою сегодня я
 Горы сдвинуть могу!

Гляну в очи – и легче мне,
 Твёрже, радостней шаг...
 Вижу: сравнивать не к чему,
 Ты прекрасна и так.

С чем тебя я ни сравнивай,
 И о чём я ни пой,
 Всё, что в мире есть славного,
 Всё роднится с тобой.

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 89. Стихотворение стало короче на три четверостишия, многие слова заменены другими, кое-где изменилась пунктуация. В этой же редакции, только с добавлением даты создания (1953), можно прочитать это стихотворение и в сборнике «Земной поклон», 1976 г., с. 113. Такая же редакция, как в сборнике «Спасибо сентябрю», и в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 140)

*** *** ***

Много в мире прекрасного,
С чем сравнить бы тебя.
Вроде солнышка ясного
Ты мне светишь любя.

Согреваешь улыбкою
Невзначай, может быть...
Но не будет ошибкою
Со звездой сравнить.

С той, что слушает клёкоты
Перелётных гостей –
Так порою далёко ты
От дороги моей...

Пусть всегда меня радуют
Солнце, звёзды, цветы, –
Всё же лучшей отрадою
Можешь быть только ты.

Без тебя я безроднее,
Чем стожок на лугу...
А с тобою сегодня я
Горы сдвинуть могу!

С чем тебя я ни сравнивай,
И о чём я ни пой,
Всё, что в мире есть славного,
Всё роднится с тобой.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 95. Такой же вариант, как и в предыдущем сборнике, лишь одна строка: «Но не будет ошибкою...» – из первой редакции, да запятая после фразы «Согреваешь улыбкою...» исчезла. Видимо, следующее слово – «невзначай» – перестало быть обособленным)

Далеко ты, милая, далёко...
 Но, как прежде, сердцу ты близка.
 Видишь солнце, вставшее с востока?
 Это – нежность и моя тоска.

Всякий раз, лишь брызнет луч в оконце,
 Я ревниво думаю о том,
 Что к тебе уходит наше солнце,
 Чтоб с приветом заглянуть в твой дом.

И когда лучи его, лаская,
 Тихо лягут на твоё плечо,
 Знай, родная, помни, дорогая:
 Это я целую горячо.

Далеко ты. Будто за границей...
 Но встаёт с востока алый свет –
 И кружится огненной птицей
 Над тобой мой солнечный привет.
 1946-1953

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 123. Эта же редакция в сборнике «Моим землякам», 1958 г., с. 84, только уже без третьего четверостишия)

Как горько мне, когда болеешь ты,
 Дней не бывает более унылых.
 Не замечаю мира красоты.
 Как будто сам больной я. Всё немило.

Чтоб ты спала спокойно эту ночь,
 От невесёлых мыслей отвлекаю.
 Стараюсь, чем могу, тебе помочь,
 А как получше сделать всё – не знаю.

Осенний вечер, как от слёз, промок,
 На окнах что-то дождиком малюя...
 Нет, пережить тебя не дай мне бог –
 Лишь об одном судьбу свою молю я.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 141. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 156)

СЕРДЦЕ ВЕСТЬ ПОДАСТ...

Если далеко мы друг от друга, –
 Пыль дорог меж нами или наст, –
 В час душевной боли, в час недуга,
 Знаю: сердце сердцу весть подаст...

Вот опять сдержать не в силах вздоха.
 Так тоскливо. Так не по себе.
 Не пойму и сам, с чего мне плохо.
 Видно, плохо в этот миг тебе.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 33. Эта же редакция в сборниках «Перепёлка», 1988 г., с. 94 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 132, только название заменено «звёздочками»)

Когда ты спишь, мне грустно почему-то.
 Как будто далеко ты от меня.
 Проходит за минутою минута,
 Тоскливое молчание храня.
 Беспомощная, маленькая вроде,
 Свернулась, спишь. В квартире тишина...
 Что делается в мире и в природе –
 Не ведаешь, вся в сон погружена.
 Не мне ли знать, как за день ты устала,
 А на сердце тревожно, хоть буди:
 Мне кажется, что жить ты перестала,
 Что нет уже дыхания в груди.
 И так услышать голос твой мне надо,
 И так сильна душевная гроза,
 Что ты и впрямь
 От пристального взгляда
 Приоткрываешь сонные глаза...

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 91)

*** *** ***

Когда ты спишь, мне грустно почему-то.
 Как будто далеко ты от меня.
 Проходит за минутою минута,
 Тоскливое молчание храня.
 Не мне ли знать, как за день ты устала,
 А на сердце тревожно, хоть буди:
 Мне кажется, что жить ты перестала,
 Что нет уже дыхания в груди.
 И так услышать голос твой мне надо,
 И так сильна душевная гроза,
 Что ты и впрямь
 От пристального взгляда
 Приоткрываешь сонные глаза...

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 130. В этой же редакции, без второго четверостишия, в сборниках: «Вечерние огни», 1989 г., с. 118 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 147)

*** **

Когда ты спишь, мне грустно почему-то.
 Как будто далеко ты от меня.
 Проходит за минутою минута,
 Тоскливое молчание храня.

И так услышать голос твой мне надо,
 И так сильна душевная гроза,
 Что ты и впрямь
 От пристального взгляда
 Приоткрываешь сонные глаза...

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 91. В этой же редакции, укороченной ещё на одно четверостишие, стихотворение и в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 40)

Любви экзамен – краткая разлука.
 Коль хорошо тебе и одному,
 Подумай сам: не это ли порука
 Тому, что в сердце пусто, как в дому.

Но та любовь, которая молчала
 И зазвучала песней наконец,
 Она – как дня весеннего начало.
 Конец её – всему почти конец.

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 89)

Нечаянно словом обидел.
 Случайно сорвалось оно.
 И сам же я света невзвидел –
 Раскаянья сердце полно.
 Давно ты забыла обиду.
 И, видя, что сам я не свой,
 Дивишься понурому виду:
 – Ну, что ты поник головой?

1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 136. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 153)

*Моей жене и подруге
Марии Ивановне*

Ты в первый раз уехала далёко,
Туда, где в море вольно кораблю,
И как мне стало грустно, одиноко,
И как тебя сегодня я люблю!

Припоминаю мелочи, детали,
И всё, о чём мечтали в тишине,
Какие книги вместе прочитали,
Что в день рожденья ты дарила мне.

Нет и следа от вздорного, плохого,
Осталось лишь хорошее со мной –
Твоя улыбка, ласковое слово,
И добрый взгляд, и голос твой родной.

Со стороны как будто я увидел
Обоих нас. И злюсь я на себя,
Что вот тогда-то я тебя обидел,
Что говорил с тобой, в сердцах грубя.

Припомнив все успехи, неудачи,
Что нас сроднить успели за года,
Хочу, чтоб лучше было всё, иначе,
Чтоб ссор, обид не знать нам никогда.

Ведь даже просто маленькая стычка
Проводит в жизни чёрную межу...
Пускай считают, что любовь – привычка.
Хорошая привычка, я скажу!

(Из сборника «Майский снег», 1966 г., с. 40)

*** *** ***

Ты в первый раз уехала далёко,
Туда, где в море вольно кораблю,
И как мне стало грустно, одиноко,
И как тебя сегодня я люблю!

Припоминаю прошлого детали:
Как встретились впервые по весне,
Что видели в кино, что прочитали,
Что в день рожденья ты дарила мне...

Нет и следа от вздорного, плохого,
 Осталось лишь хорошее со мной –
 Твоя улыбка, ласковое слово,
 И добрый взгляд, и голос твой родной.

Со стороны как будто я увидел
 Обоих нас. И злюсь я на себя,
 Что вот тогда-то я тебя обидел,
 Что говорил с тобой, в сердцах грубя.

Припомнив все успехи, неудачи,
 Что нас сроднить успели за года,
 Хочу, чтоб лучше было всё, иначе,
 Чтоб ссор, обид не знать нам никогда.

Ведь даже просто маленькая стычка
 Проводит в жизни чёрную межу...
 Пускай считают, что любовь – привычка.
 Хорошая привычка, я скажу!
 1965

*(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 145.
 В этой же редакции, только уже под
 названием – «О привычке» – стихотворение
 напечатано в сборниках «Земной поклон»,
 1976 г., с. 124 и «Благодарю, благодарю...»,
 1995 г., с. 145)*

Долго ль будем мы порознь томиться,
 Урезонивать сердце «терпи»?..
 Всё равно от любви не укрыться,
 Как от солнца в открытой степи.

Погляди в эти дальние дали,
 В степь, умытую тёплым дождём.
 Всё, что мы в одиночку искали,
 Может, вместе быстрее найдём.

Перед нами большая дорога –
 Счастье жизни и радость труда.
 Никогда я тебя, недотрога,
 Не обижу теперь, никогда!

Перестань же грустить вечерами,
 Выходи на дорогу скорей.
 Я нашёл бы тебя за горами,
 А сейчас я стою у дверей!

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 90)

*** *** ***

Долго ль будем мы порознь томиться,
 Урезонивать сердце «терпи»?..
 Всё равно от любви не укрыться,
 Как от солнца в бескрайней степи.

Погляди в эти дальние дали,
 В степь, умытую тёплым дождём.
 Всё, что мы в одиночку искали,
 Может, вместе быстрее найдём.

Перед нами большая дорога –
 Счастье жизни и радость труда.
 Никогда я тебя, недотрога,
 Не обижу теперь, никогда!

Перестань же грустить вечерами,
 Выходи на дорогу скорей.
 Я нашёл бы тебя за горами,
 А сейчас я стою у дверей!

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 85)

*** *** ***

Долго ль будем мы порознь томиться,
 Урезонить сердце: «Терпи!..»
 Всё равно от любви не укрыться,
 Как от солнца в бескрайней степи.

Погляди в эти дальние дали,
 В степь, умытую тёплым дождём.
 Всё, что мы в одиночку искали,
 Мы с тобою быстрее найдём.

Будь несчётные вёрсты меж нами,
 Будь огромные шири морей –
 Я нашёл бы тебя за горами,
 А сейчас я стою у дверей.

*(Из сборника «Благодарю, благодарю...»,
 1995 г., с. 142. Изменения очевидны,
 досадно только, что есть опечатка: слово
 «урезонивать» стало короче на «-ва-». Ох,
 уж эти опечатки!..)*

Как всегда бывает при разлуке,
 Не находишь в сердце нужных слов,
 Жмёшь, волнуясь, ласковые руки,
 Задержать не в силах ход часов...

В этот миг безмолвного прощанья
 Говорит за нас сама любовь.
 Что пред ней пустые обещанья?
 Верю я, что встретимся мы вновь.

...Я один останусь на перроне,
 Дым и стук растают, далеки.
 И остынут рельсы, как в ладони
 Лёгкий трепет ласковой руки.

Кто предскажет жизни нашей сроки?..
 Но всегда и всюду образ твой
 Будет жить со мной.

А эти строки
 Пусть лежат опавшею листвою.

Пусть они осеннею порою
 Нас обоих к юности вернут.
 И опять мы встретимся с тобою,
 Вспомним жизнь за несколько минут.

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 122)

КАК СКАЗАТЬ МНЕ

Обо всём я могу рассказать –
 О речном перекате,
 И какая в лесу благодать
 На июньском закате,
 Как бушует, ярится пурга,
 Жуть ночами наводит,
 Как весной затопляет луга
 Синевой половодье,
 Как трепещет в лучах стрекоза,
 Вся пронизана светом...
 Но гляжу я в родные глаза –
 Как сказать мне об этом?
 Все слова замолчали в ответ,
 Все – подобие дыма...
 Никогда мне не выразить, нет,
 Как ты мною любима!

1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 135. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 152, только не стало запятой во второй строчке)

Как я скучаю по тебе,
 Грущу, не видясь.
 Моя любовь –
 Как свет в судьбе,
 С тобой я – витязь...
 Пришла! И полднем голубым
 Стал вечер тёмный.
 Наполнен образом твоим
 Весь мир огромный.
 И сколько солнца среди зимы,
 И счастья сколько!..
 А и не виделись-то мы
 С утра лишь только.

1974–76

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 140. То же самое в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 155)

С ГОДАМИ...

Тебя, мою хорошую, родную,
 С кем прошагал немалый путь земной,
 Случается, мучительно ревную
 К сопернику, придуманному мной.
 Он – дым, воображение, и всё же
 Я с ним порою в мысленной войне...
 С годами дорогое нам дороже,
 Любимое – любимее вдвойне.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 34. См. также сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 134)

Ты помнишь вечер в ноябре?
 Как был он ярок!
 Весь в снежных искрах, в серебре,
 Весь – как подарок.
 Нам улыбались фонари,
 Став у обочин.
 Сказала ты: – Смотри, смотри!
 Красиво?..

– Очень!

Вокруг, пушисты и легки,
 Послы метели, –
 Снежинки, словно мотыльки,
 На свет летели...
 Так был красив тот карнавал,
 Тот снежный хаос,
 Что в нём, казалось нам, звучал
 Крылатый Штраус...
 От многих, пройденных уже,
 Дорог, тропинок,
 Остался песнею в душе
 Полёт снежинок...

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 90. Та же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 139. А в сборнике «Земной поклон», 1976 г., с. 111 – то же самое, только добавилась дата создания стихотворения – «1950»)

Нехорошая нынче весна:
 Сыро, холодно... Просто досада!
 Сядем вместе вот здесь у окна.
 При тебе мне и солнца не надо.
 Может, снег порошит за окном,
 Может, дождик... Какое мне дело:
 Вижу счастье во взгляде твоём,
 На других ты – уверен я в том –
 Никогда ещё так не глядела...
 Я сегодня всю ночь ну усну.
 ...И не раз под ноябрьской порошей,
 Вспомнив хмурую эту весну,
 Назову её самой хорошей.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 91. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 131. В сборнике «Земной поклон», 1976 г., с. 115 – всё то же самое, лишь добавилась дата создания стихотворения – «1957»)

Как это славно и мудро –
 Судьбы смогли мы связать.
 Есть кому «Доброе утро!»,
 Встав на рассвете, сказать.
 Есть кого помнить в разлуке,
 Чтобы душой просветлеть,
 В стужу озябшие руки
 Нежно своими согреть.
 Есть кого силой мужскою
 И защищать, и беречь...
 Радуюсь встрече с тобою –
 Самой счастливой из встреч.
 Ты – моя боль и награда,
 Ты – моя совесть и честь.
 Всё, что для сердца мне надо,
 В милой, единственной есть.
 1973

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 131. То же самое – в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 155, но без указания даты создания стихотворения)

– Опять не спал ты ночь... –
И ласков тон, и строг он.
И вмиг усталость – прочь.
Молчу в ответ, растроган.

– Нельзя же так, нельзя.
Круги вон под глазами... –
И благодарен я
Тебе, как раньше – маме.

О, женская душа!
О, вечная забота –
Теплом, добром дыша,
Любить, жалеть кого-то!
1975

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 134. См. также сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 151. По-другому выглядит только одна строчка: «О! Женская душа!»)

Вхожу ли в зал, где свадебное пенье,
Ночую ли в избе –
Везде и всюду, каждое мгновенье
Я помню о тебе.

Бокал ли поднимаю на пирушке,
Затерян ли в толпе,
Бессонница ли гонит от подушки –
Я помню о тебе.

В раздумье ли, в беспечности ль весёлой,
С недугом ли в борьбе –
И в радостный свой час и в час тяжёлый
Я помню о тебе.

1974–76

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 132. См. также сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 149)

Сердце вдруг заныло
 Сладкой-сладкой болью:
 То, что дружбой было,
 вспыхнуло любовью.
 Вдруг, на удивленье, –
 Раньше не бывало –
 Девичье смущенье
 всем заметно стало...
 Был ты другом верным,
 Вдруг – у рощи белой
 Поцелуем первым
 Обожглись несмело.
 В сердце – мир нездешний,
 Весь пронизан светом.
 Ты, весна, конечно,
 Виновата в этом.
 Ты глядишь так мило,
 Ты волнуешь новью:
 То, что дружбой было,
 вспыхнуло любовью!

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 87)

ТВОЁ ВНИМАНИЕ

Твоя любимая болеет,
 Поблёкли милые черты.
 Никто её не пожалеет
 Так нежно, ласково, как ты.
 Но верь – пройдёт недомоганье,
 Отступят боли, отболят...
 Как важно здесь твоё внимание
 И ободряющий твой взгляд!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 30)

Что за наважденье –
 Кажется порой:
 С самого рожденья
 Я знаком с тобой.

Всё нежней, сильнее
 Всю тебя любя,
 Говорю тебе я:
 – Милая моя.

Взгляд мне затуманит
 Мой последний час –
 Может, сил не станет
 Для каких-то фраз.

Но в потёмках света,
 Грусти не тая,
 Выдохну вот это:
 – Милая моя...

1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 149. См. также сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 161)

Что мне горы бесценного злата,
 Что, как в песне, мне реки вина.
 Повстречался с тобою когда-то –
 И душа тем богатством полна.
 Многолюдье бы стало пустыней,
 Если б не было в жизни тебя,
 День весенний, лучистый и синий,
 Потускнел бы, в ненастье скорбя.
 Но на самом холодном рассвете
 Мне теплее от мысли одной,
 Что ты есть, что живёшь ты на свете,
 И не где-то, а рядом со мной.

1976

(Из сборника «Земной поклон», 1984 г., с. 147. Эта же редакция в сборниках: «Перепёлка», 1988 г., с. 90 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 159)

От взглядов чужих вдалеке,
 Берёзами, пихтами скрыта,
 Неспешно идёшь ты к реке,
 Родная моя Афродита.

И волны, округлость колен
 Ладонками глядя несмело,
 Берут в свой ласкающий плен
 Твоё загорелое тело...

Потом ты сидишь на песке
 И дышишь устало, глубоко.
 А солнце томится в тоске,
 Что так от него ты далёко.

Оно в голубой вышине,
 Лучами склоняясь к Берендею,
 Похоже, завидует мне:
 Такой красотой владею!
 1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 142. См. также сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 157)

На виду у стройных, мощных сосен
 Посидим вдвоём, поговорим
 О лихой стремительности вёсен,
 О слепой медлительности зим...

За рекой – закатная усталость.
 Только убедились мы с тобой –
 Нежность вновь рождается под старость
 Вопреки усталости любой...

Вот уже и вечер синий, лунный.
 И в июньской тёплой тишине
 Ясно нам: душой мы оба юны.
 Хорошо, легко тебе и мне.
 1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 146)

ПРИМЕТА

Есть примета: если в мае
С кем сроднился человек,
То, невзгоды принимая,
Будет маяться весь век.

У примет – лихая мета,
Над людьми большая власть.
Рад, что эта вот примета
В нашей жизни не сбылась...

Месяц счастья и расцвета,
Пробужденья новых сил,
Это май во мне поэта,
Став любовью, пробудил.

Это май, восстав за вьюгой,
Весь в сиянье, голубой,
Самой верною подругой
Наградил меня – тобой.

Без бодрячества замечу:
И под зимним серебром
Майский вечер, нашу встречу
Вспоминаем мы добром.

И другой судьбы не просим.
Сквозь седые декабри
Через жизнь свою проносим
Май с теплом его зари.

1974–75

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 150. Это же в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 162)

С днём осенним в немом поединке
 Перед зеркалом, как повелось,
 Ты выдёргивать стала сединки
 Из каштаново-рыжих волос.

Видеть эти сединки мне больно –
 След какого-то мрачного дня.
 Если чем обижал, то невольно.
 Знаешь это не хуже меня.

Что поделать: и я седоватый,
 Но, как в юности давней любя,
 Всё равно, без вины виноватый,
 Я прощенья прошу у тебя.
 1974

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 133)

ПОДСКАЖИ...

Когда у нас согласие, мир –
 Готов свернуть я горы.
 Но целый свет и сер и сир
 От самой мелкой ссоры.

Всё так немило для души,
 Уюта нет в квартире...
 Быть может, знаешь – подскажи,
 Как жить в любви и мире?

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 29)

НЕ ЗАБЫВАЙ!

Бывало в жизни нашей всяко.
 Добра и лиха через край...
 Полынь горчила. Но и злака
 Ты тоже вкус не забывай.

Мы счастье видели друг в друге,
 Как вёсны – в пенье птичьих стай.
 Чтоб не бояться новой вьюги,
 Ты о былой не забывай.

Когда любви, тепла, покоя
 Оставит жизнь нам скудный пай –
 Забудь плохое. Всё другое,
 Благое всё – не забывай.

1975

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 148. См. также сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 160)

Говорю, приветствуя весну,
 Не боясь счастливо повториться,
 Так, как говорилось в старину:
 В мире твоё имя да святится!

В нём – лучи одной моей звезды.
 Сколько раз его ни повтори я,
 Вновь готов твердить на все лады
 Светлое и нежное: Мария.

1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 152. Также см. сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 163)

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

Повесть в стихах

1

Всё меньше в наши дни в России
Районных тихих городков,
Где переулочки косые
Ютятся в зелени садов,
Где возле бань, за городьбою
Стоят подсолнухи кружком,
Где украшает центр собою
Единственный кирпичный дом,
Где в пору летнюю утрами,
Когда листва берёз в росе,
Подпаски, щёлкая бичами,
Проводят стадо вдоль шоссе.
Кой для кого – медвежий угол.
Нет ни дворцов, ни площадей,
Здесь огородных ветхих пугал
Едва ль не больше, чем людей...
Но как пути сюда ни долги,
Здесь жизнь кипит, своё верша,
И мчатся свадебные «Волги»,
Цветными лентами шурша.
А вечерами тишь какая!
А за окошком за любым
Планеты нашей жизнь большая
Горит экраном голубым...
И Лукичу слегка обидно,
Что жить придётся вдалеке:
Большие перемены, видно,
Начнутся скоро в городке.
Да, вскоре город ждёт известность:
Уже разведано вполне,
Чем так богата эта местность,
Что скрыто в недрах, в глубине.
Да, город будет в знатной роли,
Как говорится, хоть куда:
Театр старинный на гастроли
Приехал из Москвы сюда.
...А Клим – в Москву. Приказ в кармане.
Пора уж собираться в путь.
Пора... А сердце на аркане...
Сходить... Разок ещё взглянуть...

Вот и афиша. Возле клуба
 Готов стоять он час и два...
 «Светлова Л.» Неужто Люба?
 О, как таинственны слова!
 В который раз их смысл неведом.
 Уж сколько раз за много лет,
 Казалось, шёл за нею следом,
 Напав совсем на ложный след.
 И вновь. Артистка Л. Светлова...
 Устав немного от ходьбы,
 Сел на скамью... Наверно, снова
 Обман, ирония судьбы.
 А на афише очень внятно
 Звучит: она теперь, она!
 И ярко так – взглянуть приятно –
 Лучи на буквах полотна.
 Зайти к директору – и сразу
 Сомненьям может быть конец.
 Но что сказать? Какую фразу?
 Вдруг это дочь твоя, отец?
 Тут не уйдёшь надменным фертом.
 Слова какие-то нужны...
 Нераспечатанным конвертом
 Глядит афиша со стены.

2

Фойе полным-полно народом.
 От возбужденья точно пьян,
 Он то и дело мимоходом
 В кругу знакомых горожан
 Беседу сводит на Светлову:
 Как звать, как выглядит она?
 – А что?
 – Да так спросил я, к слову...
 Все говорят, что недурна.
 – Что ж, поглядим... И всяк при этом
 Начнёт спрашивать тотчас:
 – А Вы, Лукич, по всем приметам
 Дела закончили у нас?
 – Да, уезжаю... До чего же
 Клуб равнодушья полон к ней!
 Ведь интерес у них, похоже,
 К делам профессии твоей...

Среди знакомых – шёпот, слухи:
Уж не случилось ли чего?
Лукич решительно не в духе,
Как подменили вдруг его.
Отъездом, видимо, расстроен.
Не год, не два он жил у нас.
Всегда был сдержанно-спокоен,
А чем взволнован он сейчас?
Влюбился, может, не шутейно?
Известно: Клим Лукич Кузьмин –
Бобыль. Бездетный. Бессемейный.
Как говорят, кругом один...
Билет был взят поближе к сцене,
Чтоб зренье вдруг не подвело.
Лукич дивился перемене:
От сердца вроде отлегло.
Не раз случалось так и прежде:
Отыщет след – и сам не свой.
А там, глядишь, конец надежде,
Не дочь, а кто-нибудь другой.
Решил не мучиться напрасно,
Пока... Пока не встретит сам.
Но встретить было бы ужасно,
Под старость людям не до драм.
Забуть хотя б минуты на три
Себя, её, слова афиш.
Представь, как будто не в театре,
А на собранье ты сидишь.
Сидишь и просто ждёшь доклада,
И волноваться нет причин.
Смотри, как будто так и надо,
На лица женщин и мужчин.
Кивай в ответ на их поклоны...
Как на мужей своих любя
Глядят взволнованные жёны!
А кто посмотрит на тебя?
Познал ли ты хоть половину
Того, что в жизни им дано?
Давно к погоде ломит спину,
Седые волосы – давно...
Поправь-ка юности ошибки,
Когда уж близится причал...
Он на кивки и на улыбки
Едва заметно отвечал.

Сейчас начнут. Вздохнул свободно.
 Но дочь узнать... Та мысль страшна.
 «Пусть лучше будет... кто угодно,
 Но только, только не она!»

3

Нет, в первом акте, слава богу,
 Светловой нет... Седой, в очках,
 Он, снова чувствуя тревогу,
 Листок программки мнёт в руках.
 Вот-вот она на сцену выйдет.
 Как будто ярче вспыхнул свет.
 Неужто он сейчас увидит
 Того, кто тайна стольких лет?
 Идёт! Мантилья, веер, шляпа...
 Лукич спеша очки протёр...
 На громкий возглас: «Здравствуй, папа!»
 Подходит к ней отец – актёр.
 Так вот какая ты, Светлова!
 С тобой иль нет его родство?..
 Он верил: встретит – и готово,
 Узнает сразу. А кого?
 Кого сейчас узнать он может
 Вот в этой девушке чужой?
 Пусть это Люба. Ну и что же?
 Не ближе ты, чем тот, другой.
 Тот ей отец – по роли в пьесе.
 А у тебя какая роль?
 Лукич едва держался в кресле –
 Такая в грудь вонзилась боль...
 На сцене с видом беззаботным
 Смеялась, пела чья-то дочь.
 Уйти!.. Вдруг жестом мимолётным,
 Как в ком-то видел он – точь-в-точь –
 Опять артистка приковала
 К себе вниманье Лукича.
 Он этот жест любил, бывало,
 Капризный жест – рывок плеча.
 А жест ли? Нет, не в нём тут дело,
 С ним чей-то образ в сердце жив.
 Какая девушка смотрела
 Вот так же – голову склонив?..
 Он снял очки. И не мигая
 Застыл. В глазах кругами мгла.

Да! Это Люба! Дочь родная!
 Так только мать смотреть могла.
 Ну, не кощунственно ли было
 Безбожно врать ему со зла?
 (Однажды Лена сообщила,
 Что дочь от кори умерла).
 Но есть ещё молва людская.
 И на десятый только год
 Узнал он: Люба, дочь – живая,
 Лишь неизвестно, где живёт.

4

Те дни встают сегодня зримо,
 Как за прозрачную слюдой:
 Отлогий берег, солнце Крыма,
 И встреча с Леной. Молодой.
 Нередко в том, что станет горем,
 Мы видим счастье впопыхах...
 Он от неё, любуясь морем,
 Остановился в трёх шагах.
 На берег шла волна прилива.
 Всё ближе, ближе пенный вал.
 За ним – ещё. – О, как красиво! –
 Клим звонкий голос услышал.
 Красиво было, в самом деле:
 Шли волны, берегу грозя...
 Потом она и он сидели
 В беседке рядом, как друзья.
 Синел высокий звёздный полог.
 Мерцал на море бледный свет.
 – Вы не поэт?
 – Нет, я геолог.
 А почему же вдруг – поэт?
 – Такой мечтательный мужчина.
 Всегда один...
 – И вы одна.
 – Ну, я... На это есть причина.
 Я просто трауру верна.
 – Как? Траур?
 – Что же здесь такого?
 ...Был муж. Он умер год назад.
 Теперь она – вдова Светлова.
 – А вы?
 – Пока что не женат.

И замолчали. Ночь, цикады,
Чуть слышный шёпот волн морских,
Само молчание и взгляды –
Всё, всё спешило сблизить их...
Он ясно помнит ту беседку
И то, как Лену изучал:
Её он видел, словно ветку,
А что за дерево – не знал.
Как он Еленой любовался!
Её лицом, фигурой всей.
Он даже сам себе казался
Красивым очень рядом с ней.
Каким верна она заветам,
Чем занята её душа –
Едва ли думал он об этом,
Он видел только – хороша...
Шло время. Чувства их прибоем
Всё нарастали, в плен беря.
Уж было ясно им обоим:
Случилась встреча их не зря.
И если так – ну, так, конечно! –
То что ж о главном мы молчим?
Ведь ей вдовою быть не вечно,
Ему – не вечно холостым.
Но... Это «но» он почему-то
Тогда, в горячке, проглядел:
Она ушла из института...
Как говорится, не удел...
Живёт у папы иждивенкой.
И, по её словам, отец
Своею Ленкой-несравненной
Доволен. Папа – военспец...
Ну, что ж, подыщем в жизни дело!
Открыт нам ныне путь любой...
Она ждала. Она хотела,
Чтоб он позвал её с собой.
...Однажды, в жаркий день, на пляже
Сказал он: – Скоро уезжать...
Елена вздрогнула: – Когда же?
И по глазам он мог понять –
Она спросила об отъезде,
В глазах же был другой вопрос:
Когда мы снова будем вместе?
Иль наша встреча – не всерьёз?

По лебединой нежной шее,
Загаром тронутой чуть-чуть,
С волос неспешно, словно млея,
На туго стянутую грудь
Стекали струйки водяные...
И он от близости такой
В тот миг за много дней впервые
Вдруг понял: кончился покой.
Сказать сейчас же, непременно!
Сказать, что он на всё готов.
Пусть решает... – Слушай, Лена...
Нет, не хватает нужных слов.
Привстал. Песок обжёг колени.
Ждёт Лена, голову склонив,
А сбоку две коротких тени
Лежат, одежду их прикрыв.
Он помолчал. И без усилий
Вновь начал. С главного, с того,
Что не сулит он ей идиллий,
Что кочевая жизнь его,
Что не в палатах, а в землянке
Подчас придётся строить быт,
Что в рюкзаке, а не в сбербанке
Свои богатства он хранит.
Что он привык к судьбе бродячей,
Свой труд всем сердцем полюбил,
Что бросить всё и жить иначе
Не сможет он: не хватит сил.
– Подумай, Лена, трезво, ясно,
Согласна ль стать моей женой...
– Я много думала. Согласна.
Теперь мне мука – быть одной.
...Так он женился. Было время,
Когда – без отдыха и сна –
Он мог снести любое бремя!
Ведь рядом с ним была она!
В уютном домике, в посёлке,
Где в окнах – лес да гор зубцы,
Она возьмёт, бывало, с полки
Пород различных образцы,
На стол положит, сядет рядом
И что-то думает своё
С таким невинным, милым взглядом,
Что подходит – целуй её!

Как на чудесную картинку,
На каждый камешек глядит.
Что самоцветы! Ей в новинку
Обыкновенный антрацит...
И Клим сиял: к своей работе
Он вызвал в Лене интерес...
Под осень с нею на охоте
Вдоль-поперёк исхожен лес.
Прошло полгода. Раз весною –
Не вспоминать бы ту весну! –
Придя домой, совсем иною
Он увидел свою жену.
Она лишь вскинула ресницы,
Прищурясь, будто от огня,
И нервно книжные страницы
Листала, голову склоня.
Смывая кляксы глины липкой,
Клим покосился из угла:
Всегда встречавшая улыбкой,
Елена пасмурной была.
Спросил тревожно: – Что случилось?
В ответ, не глядя на него,
Она, сдержать волненье сясь,
Кусала губы: – Ничего...
И вдруг, захлопнув книгу, встала.
– Нет, Клим, я здесь сойду с ума!
Я не виню тебя... Я знала...
Да, да, ошиблась я сама.
Любовь к тебе была сильнее
Всего... И там, на берегу,
Казалось – всё смогу, сумею.
Теперь я вижу: не могу.
Ты дорог мне ничуть не меньше,
Но мы на разных берегах.
Я не из тех безвкусных женщин,
Кто терпит баб в мужских штанах.
Ну, на кого они похожи!
А ты такой ли добрый к ним.
Ты и меня причислить тоже
Не прочь к сотрудницам твоим...
А Клим, в слова её вникая,
Смотрел, глаза всю открыв.
Эх, чёрт! Красавица какая.
Какая страсть! Какой порыв!

– Ты не поймёшь моих мучений, –
 Ловил он звуки жарких фраз. –
 На свете столько развлечений!
 А что за общество у нас?
 Ну, с кем обмолвиться тут словом?
 С кем, кроме мужа своего?
 Куда я выйду в платье новом?
 И кто оценит здесь его?
 Кто? Эта выскочка соседка?
 Тебе-то что! Ты был – и нет.
 Ты дома так бываешь редко,
 Что мне не мил уж белый свет...
 И Клим опомнился мгновенно.
 Не он ли любит горячо?..
 – Ну, успокойся... Молча Лена
 Рывком отдёрнула плечо.
 Клим растерялся: вот так чудо –
 Они на разных берегах...
 Прошёл к столу. Письмо? Откуда?
 Но миг – конверт в её руках.
 Схватила будто бы в испуге.
 И покраснела. – Что – секрет?
 – Прочти, коль хочешь. От подруги.
 Мы с ней, как сёстры, с детских лет.
 В его ушах ещё звучали
 Слова: «Я здесь сойду с ума!»
 Не понимая их вначале,
 При виде странного письма
 Подумал: есть тут связь прямая
 Со всем, что сказано ему.
 Подруга... Кто она такая?
 Как Лена кинулась к письму!

5

Лукич очнулся: резко, грубо
 Вошёл в сознание плеск ладош.
 Сомнений нет. На сцене Люба.
 И снова горечь: ну и что ж?
 Что из того, что на спектакле
 Сидит отец её родной.
 Родной, тоскующий. Не так ли?
 И всё равно ты ей чужой...
 Кто шёл с ней к школьному порогу
 В единой радости сердец?

Кто вывел Любу на дорогу
 В большую жизнь? Не ты, отец.
 Кого, кто здесь, на сцене, папой
 Назвать могла она любя?..
 Уймись же, совесть, не царапай,
 Ему сейчас не до тебя...
 Глядит Лукич, не замечая,
 Как что-то руку обожгло...
 Вся в Лену... Копия живая.
 Совсем такая, как назло!
 Зря Любе роль такую дали,
 Где мало счастья, много слёз.
 Как будто облако печали
 К ней от него перенеслось.
 Какой-то франтик перед нею
 Сверкает зеркалом сапог.
 Вот поклонился: – Честь имею!
 И важно вышел за порог.
 В слезах она... Визит прощальный...
 Что ж так артистку эту жаль?
 Как будто видишь натуральной
 Влюблённой Любушки печаль...
 Едва идёт... Согнулись плечи...
 Никто не сжалится над ней...
 А память снова ищет встречи
 С живою явью прошлых дней.

6

Письмо, письмо... Спокойный с виду,
 Открыл он медный портсигар.
 Он на словах простит обиду.
 Но это... Это был удар!
 Кто? Что? Тревога подозрений
 Всё ощутимей, всё ясней.
 – Ты с кем же хочешь развлечений?
 С подругой, да? – Хотя бы с ней!
 В ответе Лены явный вызов.
 Стоит, бумагу теребя.
 – Скажи мне просто, без капризов –
 Что так расстроило тебя?
 – Вот! И письмо на стол упало.
 – Бери, читай. Ответ мой тут.
 Не то, что мы, не как попало
 Все люди добрые живут.

«Что это? – думал он с тоскою, –
 Игра в доверье? Если б знать!»
 А сам дрожащею рукою
 Листки уж вынул. Стал читать.
 Он презирал себя, и всё же
 Читал про чьё-то там житьё,
 Ценя любовь её дороже,
 Чем самолюбие своё.
 Нет, Клим на вызов не ответил
 Таким же вызовом. Не мог.
 Читал... И даже не заметил,
 Как папирасой лист прожёт.
 В одно сливались буквы, точки –
 Так быстро бегали зрачки.
 Казалось, тронь случайно строчки –
 Закопошатся паучки...
 «...Вчера, – подруга сообщала, –
 Была в гостях у Ильиных.
 Всё шло как следует сначала,
 Всё так, как водится у них.
 Вино, отличная закуска.
 А после – танго и фокстрот.
 На мне была в горошек блузка,
 Она чертовски мне идёт!
 Ну вот. Ильин ко мне подходит:
 «Станцуем с вами?» Я иду.
 Ты помнишь, Лена, как он водит?
 С ним отдыхаешь на ходу.
 Ильин мне нравится, не скрою...
 Я отлучилась в коридор,
 Гляжу, и он бежит за мною,
 Сам озирается, как вор.
 – Что, закружил вас?
 – Да, немного...
 – Уф, я и сам порядком взмок.
 Вдруг встал вплотную:
 – Ради бога!
 И – понимаешь? – в губы чмок!
 Ну, я, конечно, возмутилась.
 А он – ещё... Как ошалел!..
 Жена бы, может, не хватилась,
 У ней, хозяйки, – уйма дел,
 Но тут – и надо же случиться! –
 Вадим распахивает дверь.

Решил он, видишь, прохладиться,
А я же с ним дружу теперь.
Ну, верно, он – наивный мальчик.
А неудобно перед ним.
Но слушай дальше. Будто мячик,
Ильин – в сторонку. А Вадим
Взглянул и стал красней пиона.
Молчит. Не вытерпела я.
Ты вроде, говорю, шпиона
Везде преследуешь меня!
Зачем ты вышел? Он – ни слова.
Вздыхнул неслышно и ушёл.
За ним и мы вернулись снова.
Я – танцевать, Ильин – за стол.
Так с полчаса прошло. Вдруг Вадька
Шепнул мне: «Слушай!»
За стеной
«Ты эту цыпочку отвадь-ка!» –
Я слышу голос Ильиной.
– Вот до чего дошла ты, Белла, –
Вадим бурчит, – твоя вина...
– Гони сама, мне нету дела, –
Раздался голос Ильина.
– А что ты делал с ней за дверью? –
Кричит жена. – Средь бела дня?
А я ушам своим не верю:
Так, значит, это про меня?
Прогнать? Я – цыпочка? Я лично?
Ильин... Плевать мне на осла!
Но я веду себя тактично,
Я оскорбление снесла.
Не подала я даже виду,
Что разговор известен мне.
Но эту страшную обиду
Я не прощу его жене.
Я кое-что о ней слыхала –
Теперь весь город будет знать...
У-у, новостей у нас немало!» –
Но дальше Клим не стал читать.
Слова сползали постепенно
С бумаги... Вот уже на ней
Лицо... Лицо подруги Лены
Во всей наглядности своей:

Глаза большие, рот в улыбке,
И белизна зубов, и взгляд –
Зовущий взгляд, какой-то липкий.
Так эти женщины глядят.
Облокотясь, молчал он хмуро.
А на листе, как сквозь туман,
Уже знакомая фигура –
Высокий бюст и гибкий стан.
И в чувство скованности, плена
На миг душа погружена.
Постой, постой. Да это ж Лена!
Его любовь, его жена!
Он представлял её подругу,
А вышла вдруг она сама...
Клим опустил в раздумье руку,
Прикрыл ладонью лист письма.
Жена к нему вполоборота –
Смотрела в дали за окном.
Любовь ли к ней, другое ль что-то
Создали образ этот в нём?..
А если?.. Робкая догадка,
Блеснув, исчезла, как дымок.
Не может быть! Как это гадко!
Как он подумать это мог!..
Ещё сравнений не хватало.
Но мысль зудит:
Подумай, Клим!
Она бы так же написала,
Да только почерком другим...
Он встал, взлохмаченный, угрюмый.
Прозренье выросло само:
А не казалось ли – подумай! –
Что ты читал её письмо?
Она грустит о развлеченьях.
А что подруга пишет ей?
И о каких таких мученьях
Кричит, встречая у дверей?
О тех, быть может, что с тобою
Ей, как подруге, жить нельзя?
Что неприятны ей порою
Твои сотрудницы, друзья?
Не тем, что в дружбе, в разговорах
Стремясь достоинство сберечь,

Они не ищут в коридорах
 С чужой женой иль мужем встреч?..
 Нет! Это б страшным горем было,
 Огромным горем. Через край.
 И так письмо их жизнь разбило –
 Теперь осколки подбирай...

7

Наутро Клим узнал в конторе:
 Им – в путь... А тут разлив, дожди...
 И впрямь одно не ходит горе,
 Вслед за одним – другое жди.
 В иной бы раз собрал пожитки –
 И был таков. Не то сейчас.
 Союз с женой – на тонкой нитке.
 Отъезд пугал на этот раз.
 Письмо подруги было вестью
 Из той удушливой среды,
 Где лжи простор, почёт бесчестью,
 Где мишурой одной горды.
 Знать, в этом мире и Елена
 Успела след оставить свой.
 И как покинутая сцена
 Тот мир манил её порой.
 Письмо явилось первым зовом,
 И криком вырвалось в ответ:
 «Куда я выйду в платье новом?
 Мне здесь не мил уж белый свет!»
 Не мил под крышей. Что же будет
 В самой тайге, в лесной глуши,
 Где не гудки, а птицы будят,
 Где не дома, а шалаши?..
 И как винить её. Вы оба
 Ошиблись, путь один избрав.
 Смешно звучит «любовь до гроба»,
 Когда любовь твоя без прав.
 Чем заслужил ты это право –
 Женой командовать своей,
 Силком тащить её направо,
 Когда налево надо ей?
 Трудна дорога без единства...
 Есть огонёк, но он один:
 Семейю скрепляет материнство...
 Вот если б дочка или сын...

В то утро с неба моросило,
 От грязи кисли сапоги...
 Он ей сказал.
 Переспросила:
 – Далёко, значит?
 Вглубь тайги?
 – Да...
 Скинул плащ, одёрнул свитер.
 И усмехнулся на упрёк:
 – Опять ты ноги, Клим, не вытер.
 Смотри, как выпачкал порог.
 Ну, где уж к ней, такой чистюле,
 Предъявишь мужнины права.
 Вот здесь она сидит, на стуле,
 А там – лишь ветки да трава...
 Хоть примиренье состоялось,
 Исчезла тучка, гром утих,
 Но тень размолвки всё ж осталась,
 Тревожит каждого из них.
 Елену – тем, что нервно слишком
 Вчера вела себя при нём,
 Его ж готовит к новым вспышкам
 Вся жизнь теперь – игра с огнём...
 Вот и сейчас слова, как спички:
 – Так едем, Лена?
 Как всегда
 Чуть исподлобья по привычке
 Она взглянула.
 – Едем, да.
 И как-то странно улыбаясь,
 Молчала, чашками звеня.
 – Я тоже ехать собираюсь,
 Но не с тобою... У меня...
 Вдруг подошла к нему, прижалась,
 Уткнулась в грудь его лицом.
 Вот так ребёнок, сделав шалость,
 Ждёт объяснения с отцом.
 Отец!.. Да так и есть, похоже.
 Отцом он должен скоро стать!
 Жена сказать хотела то же.
 Жена... И скоро, значит, мать?
 Такая радость – и в секрете.
 – Не шутишь, Лена?
 – Правда, Клим...

Как хорошо, что кто-то третий
Готов придти на помощь к ним!
И с новым чувством – бережливо –
Обняв жену, стоял он с ней
Чуть-чуть растерянный, счастливый,
Нежнее прежнего, сильней.
А тень размолвки неизменно
Висела... Вслух сказал: – К чертям!
– Кого? – отпрянула Елена.
– К чертям подружек всяких там!
Зачем нам жить они мешают,
Пятнают письмами тебя.
Как жить им – сами пусть решают.
Забудь о них! Цени себя.
Не по душе моя работа?
Займись другим. Ведь жизнь вокруг!
А вот теперь ещё забота...
Она куда важней подруг.
И спохватился: – Ты сказала,
Что едешь тоже? Не со мной?
– С тобой немного... До вокзала.
– А там куда?
– А там – домой...
Опять удар. Ну что такое!
Всё утряслось – ещё сюрприз.
– Нет, нет, ты можешь быть в покое,
Ты не волнуйся, разберись.
В тайгу нельзя мне. Не одна я...
Вдруг где споткнусь да упаду...
А дома, знаешь, мать родная,
Врачи, у всех там на виду.
Хотел съязвить он: – И подруги?...
Сдержался. Брови только свёл.
А не убьёт она в разлуке
Того, в ком помощь он обрёл?
Он долго вглядывался в Лену.
Она как будто поняла.
– Вчера устроила я сцену...
Ты извини. Я не со зла.
Я, может быть, совсем не стою
Твоей любви. Какое ж зло...
Я не хотела ссор с тобою.
Сама не знаю, что нашло...

Фу! До чего всё это сложно!
 Его и пот уже прошиб.
 В глаза ей смотришь – верить можно,
 В себя заглянешь – ясно: влип.
 Ребёнок... Дом... Где ложь? Где прихоть?
 Как этот узел развязать?
 – Ну, ты почаще мне пиши хоть, –
 Вот всё, что смог он ей сказать.

8

Клим с головой ушёл в работу.
 Он в ней забвения искал.
 Подчас к пустячному расчёту,
 Как к плану боя, приступал.
 То рылся в груди старых съёмок,
 То сам, от стана вдалеке,
 Бродил по лесу до потёмок
 С привычным компасом в руке.
 Вгрызался в почву острым буром,
 Сверял места, куски пород.
 Потом, присев на камне буром,
 Итоги дня вносил в блокнот.
 Пускай же валит с ног усталость,
 Ныряй, как в омут, в сон глухой,
 Чтоб ни минуты не осталось
 Борьбе с тревогой и тоской!..
 А на заре, едва меж елей
 Порозовеют облака,
 То здесь, то там опять звенели,
 Перекликались голоса.
 И снова компас, карту – в руки.
 Шум леса, встречный ветерок...
 Живя с Еленой в разлуке,
 Он всё же не был одинок.
 Друзья –
 Не помнится уж, кто там,
 Немало в жизни было встреч –
 Бывало шуткой, анекдотом
 Его стараются развлечь.
 А он готов им крикнуть: – Бросьте!
 Сам разберусь в своей судьбе!..
 Лишь одному – Сизову Косте
 Прощал участие к себе.
 При Косте – был он непоседа,

Неутомимый весельчак –
 Любая скучная беседа
 Всегда звучала как-то так,
 Что всё плохое забывалось,
 Мечтать хотелось, даже петь.
 Как будто солнце появлялось
 В ненастный день, чтоб всех согреть.
 Всё в парне: чуб лихой, веснушки,
 Как искры в розовом дыму,
 Фуражка где-то на макушке –
 Всё было кстати, шло к нему...
 В тот день – он памятный довольно –
 Клим не видал его с утра.
 Придя на стан, тотчас невольно
 Заметил Костю у костра.
 Сизов отбросил мигом фляжку,
 Вскочил. – А ну, спляши, спляши!
 И сам, на ухо сбив фуражку,
 Чечётку выбил от души.
 Все будто ждали этой вести,
 Как про себя отметил Клим:
 Тотчас задвигались на месте,
 Заулыбались вместе с ним.
 И лишь один бывалый дядя,
 Начальник партии Тачков,
 Сидел спиной, спокойно глядя
 На трепет рыжих язычков.
 Он Лену знал. Ещё зимою
 Он как-то к Климу заходил
 И целый час с его женою
 О том, о сём судил, рядил.
 Была в словах его заминка...
 – Ну, как? – спросил позднее Клим.
 Тот пробурчал: – На вид – картинка.
 А так... Посмотрим. Поглядим...
 Вот и сейчас Тачков всем видом
 Как бы хотел сказать ему:
 Нет, что ты мне ни говори там,
 А радость эта – ни к чему.
 Но сам же Костю урезонил:
 – Отдай! Не мучай парня, шут.
 И Клим теперь лишь ясно понял:
 Добряк... Характер только крут...

Присел к огню от всех в сторонке.
 В кусты метнулся мрак ночной.
 Из дальних далей голос звонкий
 Дошёл до сердца: «Клим, родной!
 Ну, как ты там? Скучаешь? Очень?»
 Да, нежный тон ему знаком.
 Но всё – общо. Всё – между прочим.
 И – странно! – Дышит холодком.
 День встречи их – не за горами.
 «Привет от папы. Жди. Пока».
 Под стать служебной телеграмме
 Была та весть издадека...
 – Скучаю, милый, и целую? –
 Прервал раздумие Тачков.
 – Эх, сколько ж вас, как погляжу я,
 Таких вот добрых простачков!
 – Да я люблю её! Поймите!
 Как быть? Любовь свести к нулю?
 Тачков вздохнул.
 – Любовь... Скажите!..
 Я тоже кое-что люблю.
 Костёр, к примеру, звёзды эти. –
 Он смерил взглядом вышину.
 – Игрушки, скажем, любят дети.
 А мы ж толкуем про жену...
 Стоп!
 Я, кажись, вторгаться начал. –
 Начальник встал. – Пойду-ка спать...
 Он крепко Клима озадачил.
 Игрушки... Звёзды... Как понять?
 Всмотрелся в небо. Нет, не в диво.
 Он к нему звёздному привык.
 А что красиво, то красиво.
 Не усомнишься ни на миг.
 Игрушки... Что в намёке этом?
 Из них, конечно, лучше те,
 Что поприглядней, ярче цветом.
 Выходит, суть-то – в красоте?
 Намёк Тачкова стал понятен:
 Пуста, мол, эта красота.
 Но ведь и солнце не без пятен?
 Пусть для него она пуста!
 А Климу... Чем ещё он в Лене
 Гордиться может, дорожить?

Он, встать готовый на колени,
 Чтоб счастье – быть с ней – заслужить?
 Да пусть она была б спесива,
 Груба, бездарна, всех глупей,
 Он лишь за то, что так красива,
 Всем сердцем предан был бы ей!..
 – Подать? – спросила повариха.
 Не сразу понял: что подать.
 – А-а. Нет, спасибо. – Молвил тихо.
 И поспешил скорее встать.
 Пошёл во тьму. Какой там ужин.
 Эх, незадачливый супруг!..
 Острее, чем хлеб насущный, нужен
 В часы такие верный друг.
 Сизов?.. Но чем же он поможет.
 Едва ль подскажет он ответ.
 Ещё, пожалуй, брякнуть может:
 Мол, плюнь на всё – и ваших нет.
 Клим, отводя руками ветки,
 Шагал куда-то наугад.
 Нет, Костя годен лишь в разведке.
 А здесь – любовь. Особый клад.
 Ладонь на что-то накололась.
 Боярка. Ну и темнота!
 Вдруг за кустами – Костин голос:
 – Не шутка это, а мечта!
 – В который раз мне заявляешь, –
 Другой, девичий, перебил.
 – А ты о Климе всё вздыхаешь?
 Да если б он тебя любил!
 А то привёз... Да я бы сроду...
 И тишина вокруг опять.
 Тяжёлый камень бухнул в воду,
 Сизовым брошенный, видать.
 Ещё как будто тише стало.
 Узнал Круглову Варю Клим.
 О нём – он знал – она вздыхала,
 Дружить мечтала только с ним.
 А он молчал. И что ей скажешь?
 Будь вроде Кости посмелей,
 Сказал бы: – Сердцу не прикажешь...
 Забудь меня – и не жалея!
 Был холостой – другое дело.
 Теперь женат уже. Так нет,

Всё так же ласково глядела,
Один ей Клим – в окошке свет.
Душа – ценней любого дара:
С любимым – товарищ, верный друг.
Чем, скажем, Костя ей не пара?
Вот заколдованный-то круг!
Смугла. Глаза – как у цыганки:
С огнём... Но всё ж не так мила...
Клим присмотрелся. На полянке
У речки чёрной, как смола,
Сидела Варя. А поодаль,
Повыше чуть стоял Сизов.
Смотрел на девушку, на воду ль,
Не находя, как видно, слов.
Плескались волны еле слышно,
Шептался глухо тёмный лес.
И Клим подумал: «Глупо вышло.
На кой я шут сюда залез?»
Нащупал вновь, в кармане шаря,
Конверт с Елениным письмом...
– Ну, что молчишь? – спросила Варя.
– Я тоже думаю о нём.
Сизов прошёлся, чиркнул спичкой,
Не торопясь поднёс ко рту.
Взметнулось пламя жёлтой птичкой
И вмиг погасло на лету.
Клим усмехнулся: «Интересно,
Что скажет Костя про меня».
– Без этой барыньки, известно,
Не может он прожить и дня...
Клим чуть не крякнул от досады.
Смотри ты, прозвище уж дал...
Поспорить, выйти б из засады!
Но Костя с жаром продолжал:
– Сама же видишь, как он сохнет.
Того и жди – возьмётся пить.
Умри ты нынче – и не охнет.
А я... Да что там говорить!
И по груди себя ударя,
С тоскою выдохнул Сизов:
– Ты только дай согласие, Варя!
Я ждать готов хоть сто годов!
Известно дело, нелегко мне...
Но что бы ни было с тобой,

Ты об одном, Варюша, помни:
Есть где-то Костя... Друг такой...
Я всё стерплю. Мне жалко Клима...
– За что?
– Да, честно говоря,
Зря не прошёл он в жизни мимо,
На Ленке он женился зря.
Не раз рога ему наставит.
Мне это ясного ясней...
Всю жизнь страдать его заставит.
Ох, и натерпится он с ней!
Не быть счастливой этой паре.
Хоть с кем поспорю я. Не быть!
– Как можно так, – вздохнула Варя, –
Как можно Клима не любить...
– Поверь мне, Варенька, не любит!
Так, притворяется. Пока.
Она любого приголубит.
– С чего ты взял?
– Не с потолка.
Я знаю точно. Без обмана.
Сизов немного помолчал.
– Был случай... Как-то утром рано
Зашёл к нему – и не застал.
Она была в такой рубахе –
Почти в чём мама родила.
Но где там ваши «охи», «ахи»,
Хотя бы бровью повела.
Ну коль вошёл – куда я денусь.
Лишь повернулся к ней бочком.
– Я, – говорит, – сейчас оденусь.
Вот что-то с лифчиком... С крючком...
Ну, что стоишь-то: Помоги же.
Как друга близкого, прошу.
Ну, подойди ко мне поближе!
Не бойся, я не укушу.
И засмеялась как-то странно...
Я – дай бог ноги поскорей!
Удрал, как будто от капкана...
Нет, нет, натерпится он с ней!
Сказать ему – как гром обрушить...
Коротким Варин был ответ:
– Молчи. Противно даже слушать.
Совсем стыда в ней, видно, нет...

Сизов умолк, махнул рукою,
Пшик – воду клюнул огонёк.
...Уже светало. Над рекою
Дышал прохладный ветерок.
Среди кустов в лесу сгущался
Туман белёсый, словно пар...
Клим никогда так не смущался.
Его бросало в холод, в жар.
Ну, как, браток? Пилюлю скушал?
Всё выдал Костя: не таю...
И вправду он как гром обрушил
На дурью голову твою.
Какой он выказал Елену!
Выходит – вот позор и стыд! –
Она способна на измену,
Такая кроткая на вид?..
Он повернулся осторожно
И прочь пошёл. А за спиной
Ещё расслышать было можно:
– Хороший парень ты... Прямой...
Клим ощутил: росла в нём зависть,
Слепая зависть к этим двум.
Какой-то новой мысли завязь
Вплеталась в душу, в хаос дум.
На что уж, кажется, счастливый,
Но почему в иные дни
Слова «хороший» и «красивый» –
Совсем друг другу не сродни?
Он знал: красавицей все звали
Его Елену. Как не знать.
А вот хорошею – едва ли,
Едва ли мог бы кто назвать.
Не в красоте, выходит, дело.
Так в чём же, в чём любви секрет?
Ответа нет и нет предела
Тревоге... Должен быть ответ!
И снова вихрь противоречий:
Пусть нехорошая она,
Но как же ждёт он с нею встречи!
И как она ему нужна!
Уж так устроено от века,
Тут не изменишь ничего:
Коль полюбил ты человека,
То, значит, стоит он того.

И чем украдкой жадным взглядом
 Ловить его со стороны,
 Пусть будет он с тобою рядом
 По праву мужа иль жены!
 Бывает: сам себя обманешь,
 Рассудку сердце подчинишь,
 Законным другом чьим-то станешь –
 И не живёшь потом. Коптишь.
 Клим не таков! Кто как ни судит,
 Мол, жить – не поле перейти,
 А он с Еленой – будь что будет! –
 Пойдёт, пока им по пути...
 Со лба стирая капли пота,
 Он пробирался сквозь кусты...
 Есть в этой Варе, видно, что-то,
 Что поважнее красоты.
 Как говорил-то Костя с нею,
 Как слово дать просил её...
 И всё же Лена всех милее!
 Что ж. В жизни всякому своё.

9

Антракт. Поднявшись торопливо,
 Лукич направился в буфет,
 Чтоб охладиться, выпить пива...
 Подумать только – тридцать лет!
 Не зря в народе говорится:
 Гора не сходится с горой...
 Кому-то надо бы открыться.
 Какое счастье, боже мой!
 Не сон ли всё?..
 Сдувая пену,
 Решил он так: дождусь конца –
 И к ней немедленно, за сцену,
 Мол, принимай, встречай отца...
 У Кости с Варей жизнь другая:
 Сошлись они душа с душой.
 Живут, планиду не ругая,
 Семьёю дружною, большой.
 Живут без горя и печали.
 Как говорят, хвала и честь.
 Им дети внуков нарожали –
 Дай бог! Зацепка в жизни есть.

Им хорошо, не сиротливо...
 Лукич меж тем очки надел,
 Людей оглядывал пытливо:
 Кого-то выискать хотел.
 Нет, всё не то, хоть людно в зале,
 Эх, будь Тачков покойный тут!
 Поговорил бы с ним вначале...
 До встречи с ней... Хоть пять минут...
 Воспоминаний боль и горечь,
 Смятенье радости большой –
 Всё мог бы он, Степан Егорыч,
 Как старший друг, принять душой.
 Среди людей при ярком свете,
 Что мягко лица озарял,
 Казалось, он в минуты эти
 Улыбкой доброй подбодрял:
 «Крепись, Лукич!.. Открыто скажем,
 Жизнь, брат, – не тишь и благодать.
 И коммунист с солидным стажем
 Промашку в жизни может дать».
 Промашка. Да ещё какая.
 До слёз безрадостный удел...
 Миг встречи с Любой приближая,
 В фойе звонок уже звенел.

10

Ну, а покамест суд да дело –
 Есть время вспомнить жизнь свою...
 Душа без Лены опустела,
 Клим испугался: «Впрямь запью!»
 От водки спас, должно быть, случай.
 Однажды, в поисках руды,
 В березняке, в траве под кручей
 Высокой каменной гряды
 Шли вместе с Костей и наткнулись
 На человека странный вид:
 Лежит пластом. Переглянулись.
 Зарезан кем-нибудь? Убит?..
 Нет, вроде дышит.
 – Пьяный в стельку! –
 Расхохотался Костя вдруг. –
 Вот друг, нашёл себе постельку.
 Ни ног не чувствует, ни рук.

А человек пошевелился
И... – Эх, калинушка моя-я!..
– Дошёл до ручки. Вовсе спился.
Лесничий это. Знаю я...
Клим только морщился брезгливо.
Не раз внушал себе потом:
Начни – и скатишься с обрыва,
Вот так же кончишь... Под кустом.
Но чем утешиться? Работой?
Нет, откровенно говоря,
За всё он брался с неохотой,
Как будто попусту всё, зря.
В одно лишь верил – твёрдо, страстно:
Чтоб изменить житьё-бытьё,
Он должен чувствовать всечасно
Улыбку, голос ли её.
Делить с ней радости, удачи,
И если спорить – тоже с ней!
Тогда б работа шла иначе,
Намного легче, веселей!
Взамен того – странички писем
Шуршат опавшею листвой...
А был когда-то независим,
Считал все чувства трын-травой.
Давно, юнцом ещё зелёным,
Заметив: брат не спит, не ест,
Трунил, бывало, над влюблённым,
Да так, что часом надоест.
Теперь вот сам с дороги сбился.
Эх, знай, что он полюбит так,
Прошёл бы мимо, не женился.
Большое дело – холостяк!
Потом ловил себя на мысли:
А кто живёт один-то? Кто?
Одно ведро на коромысле,
Как ни наполнено – не то.
Сравнение верным показалось.
Несла бок о бок их любовь,
Хрусть – коромысло поломалось.
Другое, новое готовь...
Что, если стал бы мужем Вари?
Но почему-то мысль о ней
Рождала мысль о самоваре,
О куче маленьких детей.

Его желания и просьбы
 Законом были бы в дому.
 Спокойней, проще с ней жилось бы...
 Нет, эта жизнь не по нему!
 Смиренье, преданные взгляды –
 Кто счастьем такому рад.
 Любовь – весна, где есть преграды,
 Привычка – там, где нет преград...
 Когда же вместе будем?
 Жди вот.
 Жди не по дням, а по часам...
 Всё передумав, сделал вывод:
 Возьму да к ней нагрюну сам!
 Спросил про отпуск – тут же дали.
 Тачков лишь хмуро промычал:
 – М-да...
 Дескать, не было печали,
 Так чёрт нашёлся, накачал.

11

И вот за окнами вагона
 Плывёт осенний березняк.
 Как отзвук сердца, учащённо
 Стучат колёса: – Так, так, так...
 Спешешь? Так, так,
 Раскис в разлуке.
 Так, так. Посмотрим,
 Ждут ли нас.
 Вознаградят ли наши муки
 Или убавят сил запас...
 Он к месту прибыл на закате.
 Вид городка его привлёк:
 Красив был, словно на плакате,
 Весёлый южный городок.
 Шла от вокзала мостовая,
 А по бокам – домов ряды.
 Их укрывали, полыхая,
 В багрянце, в золоте сады.
 Пылали клумбы и газоны.
 В глазах рябило от садов,
 От белых стен, от крыш зелёных,
 От яркой радуги цветов.
 И хоть не видно было моря,
 Дышало свежестью оно.

Казалось: нет на свете горя,
Всё бурной радости полно.
Ласкало солнце щёки, плечи,
Склонясь подсолнухом большим.
Дом Лены где-то недалече...
Не шёл – летел на крыльях Клим!
...Собака цепью загремела.
И чей-то окрик из окна:
– Лежать, Марго!..
Идите смело.
Она не тронет вас. Умна.
Клим, поднимаясь на террасу,
Еленин голос услышал.
– Кто там? Покоя нет ни часу.
Опять, наверно, тот нахал...
Смущённо вырос перед нею,
Как будто в чём-то виноват,
Он думал: бросится на шею.
И... удивлённый встретил взгляд.
Молчанье – словно оплеуха.
Никто не смел прервать его.
Лишь мать, дебелая старуха,
Спросила важно: – Вам кого?
– Ты?!
Лена густо покраснела,
Так и застыла, вскинув бровь.
Мать зорко гостя оглядела
И дочку выручила вновь:
– Да вы садитесь! Что ж ты, Лена?
А та, едва он к ней шагнул,
Вдруг с неприязнью откровенной
К порогу выставила стул.
Так вот оно, её объятье!
Она, как раньше, не зажглась –
Была уже в нарядном платье,
Куда-то, видно, собралась.
Встав у окна, заговорила:
– Напрасно ехал ты сюда.
Конечно, это очень мило...
Но не вернусь я... Никогда...
Мать покачала головою,
Ушла, оставив их вдвоём.
– Ведь мы чужие, Клим, с тобою.
Не зря так долго врозь живём.

А у него стучали зубы.
Нежданно грянул гром беды...
Сказал, расклеивая губы:
– Будь доброй, Лена, дай воды...
В её глазах испуг метнулся.
Схватила быстро за графин.
Клим выпил, глупо оглянулся:
– А как же... дочка или сын?
– О чём ты? Я не понимаю, –
Пожала плечиком она. –
Сама ребёнка воспитаю,
Твоя мне помощь не нужна.
Ещё одно узнать – и точка.
И всё. Такие вот дела.
– А кто у нас родился?
– Дочка.
Дочурка... Любой назвала.
Любовь... Ты тягостное бремя,
Когда жена и муж – враги...
– Я... – начал он,
Но в это время
В сенях слышались шаги.
Духами щёголь чернобровый
Пахнул на Клима у дверей.
– Ну, как вы, Леночка, готовы?
Не опоздать бы. Поскорей!
Клим встал. Понятно.
Он здесь лишний.
Напрасно мерил даль дорог.
– Прощай, – сказал он еле слышно,
Ступив понуро за порог.
Пред этим, в миг какой-то краткий,
За дверью в комнате другой
Успел заметить край кровати,
Подумать: там ребёнок мой...
Он шёл и ждал – спиной, всем телом –
Шагов поспешных за собой,
Иль, может, окриком несмелым
Она воротит: «Клим, стой!»
Тогда всё было бы иначе,
Жена бы стала вновь родной.
Но лишь ворчание собачье
Дышало глухо за спиной...

Пусть ревность выпустила жало,
Пусть так. Но это был конец.
Не позвала, не задержала...
Ни муж не нужен, ни отец...
Вся жизнь совместная мгновенно
В горячей памяти всплыла.
И понял он: его Елена
Всегда чужой ему была.
Сейчас предельно ясно стало:
Напрасно мучился весь год.
Ещё когда домой сбегала,
Она решилась на развод.
А письма? Это лицемерье,
Коварством пущенный волчок.
Ведь у таких один за двери,
Другой – красавчик – на порог.
Кого он любит жадно, слепо?
Забавно даже. Ну и ну,
Как это, в сущности, нелепо –
У глупой страсти быть в плену.
И хорошо, что отрезвленье,
Хоть поздно, всё-таки пришло.
Он, встать готовый на колени,
Сам над собой смеялся зло...

12

Уже актёры и актрисы
Прощальный делают поклон.
Сейчас уйдут все за кулисы,
Туда же, к Любушке – и он.
Лукич поднялся. Сел. И плечи
Отяжелели как-то вдруг.
Он ждал, он жаждал этой встречи,
А на душе опять испуг.
Причина робости, испуга –
Вся жизнь, все прошлые года.
Поймут ли дочь с отцом друг друга,
Коль не встречались никогда?..

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 97)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
«Как сказать об этом покороче...»	4
Нежность (<i>Бывает состояние души...</i>)	5
«Бывает состояние души...»	5
«Хорошей, славной называю...»	6
«Смолоду друг друга не жалели...»	7
«Как быстро мчатся дни за днями...»	8
«Опять в саду цветёт сирень...»	11
«Если выпадет счастье такое...»	11
Счастливая	12
Благодарю тебя	12
В разлуке	13
Встреча	14
Люблю	16
«Гляжу в лицо твоё простое...»	17
Любовь	17
«Много в мире прекрасного...»	18
«Далеко ты, милая, далёко...»	21
«Как горько мне...»	22
Сердце весть подаст	22
«Когда ты спишь...»	23

«Любви экзамен...»	24
«Нечаянно словом обидел...»	24
«Ты в первый раз уехала далёко...»	25
«Долго ль будем мы порознь томиться...»	26
«Как всегда бывает при разлуке...»	28
Как сказать мне	29
«Как я скучаю по тебе...»	29
С годами...	30
«Ты помнишь вечер в ноябре?...»	30
«Нехорошая нынче весна...»	31
«Как это славно и мудро...»	31
«Опять не спал ты ночь...»	32
«Вхожу ли в зал...»	32
«Сердце вдруг заныло...»	33
Твоё вниманье	33
«Что за наважденье...»	34
«Что мне горы бесценного злата...»	34
«От взглядов чужих вдалеке...»	35
«На виду у стройных, мощных сосен...»	35
Примета	36
«С днём осенним в немом поединке...»	37

Подскажи.....	37
Не забывай!.....	38
«Говорю, приветствуя весну...».....	38
Поздняя встреча (Повесть в стихах)	39

Литературно-художественное издание

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕБОГАТОВ

«МОЯ ЛЮБОВЬ – КАК СВЕТ В СУДЬБЕ...»

Стихи о любви

Михаил Небогатов. **«МОЯ ЛЮБОВЬ – КАК СВЕТ В СУДЬБЕ...»**: Стихи о любви / Составитель – Нина Инякина. – Кемерово, 2012. – 72 с.: ил.